

**Лингвистические взгляды С.М.Широкогорова
и общие проблемы литературных языков малочисленных народов
Севера России в 30-е-90-е годы XX века.**

**Опубликовано в кн.: Широкогоровские чтения. Проблемы антропологии и этнологии.
Материалы научной конференции, посвященной 102-й годовщине со дня образования ДВГУ.
Владивосток, 2001. С. 12-17.**

До недавнего времени имя С.М.Широкогорова в отечественном лингвистическом североведении связывалось в основном с собиранием материалов по тунгусским языкам, которые этот ученый вел до начала 20-х годов. В 1991 году была опубликована его статья "Тунгусский (эвенкийский) литературный язык" написанная в 30-е годы, но в свое время не увидевшая света. Эта статья представляет нам опыт осмысления С.М.Широкогором предварительных итогов языкового строительства в России в начале 30-х годов, причем осмысления не столько с лингвополитической или идеологической, сколько с лингвистической точки зрения. В наше время объектом внимания и средством выражения определенных взглядов на данную проблему должны стать и комментаторские заметки по поводу этой работы С.М.Широкогорова, которые любопытны как с точки зрения историографии проблемы литературных языков народов Севера, так и с точки зрения позиции части современных исследователей этих языков.

Теоретические установки 30-х годов в отечественном североведении не делали значительного различия между литературным языком и его опорным диалектом: "В основу литературного языка должен лечь диалект политически и экономически наиболее передовой части трудящегося населения, занимающий по возможности центральную часть территории, обладающий значительной численностью говорящих на нем лиц, и понятный для большинства населения". (Алькор 1932, 55, 85). При этом оговаривалось, что в основе литературного языка должен лежать не обруселый и не наиболее отсталый диалект (Алькор 1932, 55). Стоит указать, что в основе выбора диалектной базы для каждого из письменных языков лежали не только названные критерии, а критерии, названные выше, подходили далеко не ко всем языкам народов Севера из тех, для которых создавалась письменность. Чаще всего создатели письменных языков народов Севера все-таки руководствовались не столько соображениями политического характера, сколько здравым смыслом, и для большинства этих языков выбор диалектной базы для письменного языка оказался правильным.

Для истории науки интересно, а для социолингвистики весьма поучительно то, что и эти теоретические установки, и сами текстовые материалы еще в 30-е годы подверглись весьма критическому рассмотрению со стороны С.М.Широкогорова (Широкогоров 1991; см. также Хасанова 1994, 74-75). Отметив собственно политические и лингвополитические аспекты создания письменной формы эвенкийского языка (Широкогоров 1991, 43-46), С.М.Широкогоров дает свое понимание письменного эвенкийского языка начала 30-х годов по доступным ему текстам. Однако его работа содержит не столько анализ письменного языка в сравнении с эвенкийскими диалектами, сколько его собственное понимание проблемы эвенкийского литературного языка.

В графико-орфографической стандартизации эвенкийского языка, которая является необходимым условием существования литературного языка, С.М.Широкогоров видит игнорирование вариантности звукового строя отдельных диалектов (Широкогоров 1991, 52,53). И только один этот факт дает ему основание называть грамматику письменного эвенкийского языка "не эвенкийской грамматикой, а грамматикой изобретенного языка"

(Широкогоров 1991, 53). Можно оставить без внимания ошибочную трактовку автором междиалектных фонетических соответствий; например, регулярная утрата начального [h] в эвенкийских диалектах (как и в эвенских диалектах Камчатки), в названной работе С.М.Широкогорова имеет прямо противоположную трактовку как "аспирация начальных согласных", по его изложению, имеющая нерегулярный характер (Широкогоров 1991, 52). Его требование отражать в эвенкийском языке на письме диалектные варианты с соответствиями согласных [g], [v], [w] (Широкогоров 1991, 53) можно расценивать как не соответствующее понятию нормы письменного языка, и в силу этого большая часть его критических замечаний в адрес письменного языка эвенков обоснованно может быть взята под сомнение.

Говоря о словарном составе литературного эвенкийского языка, С.М.Широкогоров справедливо отмечает, что словарный состав языка в случае необходимости может быть расширен за счет "эвенкизации" заимствованных слов или создания неологизмов из эвенкийского языкового материала (Широкогоров 1991, 55-56). По его мнению, "Гораздо сложнее адаптировать язык к выражению сложных идей" (Широкогоров 1991, 56). Затронутые здесь вопросы требуют специального исследования на материале эвенкийского письменного языка, нам же можно признать, что ситуация с эвенкийским письменным языком, о которой писал С.М.Широкогоров, выглядит довольно специфичной. Автор совершенно справедливо рассматривает перспективу развития лексического состава письменного языка, но он не всегда прав в освещении отдельных частных вопросов фонетики и графики, а проблемы морфологии и синтаксиса письменного, "литературного" эвенкийского языка им не затронуты вовсе.

С.М.Широкогоров завершает свою статью словами: "Литературный эвенкийский язык не имеет ни научной ценности, ни какого-либо будущего" (Широкогоров 1991, 57). На эти слова обратила внимание М.М.Хасанова, по мнению которой письменный эвенкийский язык имеет научную ценность, хотя как "литературный язык" он не имеет будущего (Хасанова 1994, 75).

Мы считаем, что, вопреки М.М.Хасановой, основной проблемой в функционировании и развитии письменной формы языков малочисленных народов является не "качество" письменного языка или его графики, а письменность как одна из форм существования данного языка - подтверждением этого являются многочисленные реформы графики языков народов Севера РФ и авторские эксперименты с языком художественной литературы, не дающие положительных результатов ни для одного из северных народов. Вполне возможно, что не имеет будущего не сам письменный язык, а любая форма письменности в активном пользовании на языке меньшинства в условиях невзаимного двуязычия. М.М.Хасанова совершила серьезную ошибку, сказав, что у эвенков литературный язык не имел успеха в распространении (Хасанова 1994, 75). Исследовательница допустила смешение понятий "литературный язык" и "письменность", как корпус письменных документов и понятие навыков активного пользования письменной формой языка. Наши наблюдения свидетельствуют о том, что на грани лингвополитического неуспеха у многих народов Севера существует как раз письменность как корпус документов и навыки письма на родном языке вообще - что же касается литературного языка в виде образцов новых текстов, то они как раз привлекают внимание говорящих на языке и никак не являются признаком утраты интереса к письменности.

Для нас гораздо более интересным представляется следующий тезис статьи С.М.Широкогорова: "Возможно, эвенкам придется ждать длительное время, прежде чем кто-то из них, или кто-либо посторонний, обратит хорошие образцы эвенкийского языка в письменную форму" (Широкогоров 1991, 56). В самом деле, становление наддиалектного письменного языка требовало значительного времени - по крайней мере нескольких десятилетий, и только в наше время оно поддается рассмотрению как процесс во временной перспективе. Другое обстоятельство, привлекающее внимание - среда пользования литературным языком, которая для С.М.Широкогорова не обязательно была связана с

эвенкийским этносом. Роль авторов первых книг на языках малочисленных народов и переводчиков на языки малочисленных народов как создателей литературных языков определенно недооценивалась не только в 30-е годы, но и недооценивается в наши дни.

Известно, что литературный язык - это не письменный язык, а обработанный язык в устной и письменной формах (Общее языкознание 1970, 502). Отличительная особенность литературного языка применительно к языкам малочисленных народов Севера исходя из особенностей их функционирования - это тождество литературного языка и письменного языка. Однако источник этого тождества заключается не в форме реализации литературного языка вообще, а в отсутствии у этих языков устной формы литературного языка, т.е. отсутствия различных официальных вариантов устного языка, тождества устного языка средств массовой информации и языка устной речи.

Если говорить об истории письменных языков народов Севера РФ, письменная форма которых функционировала наиболее активно, то можно сделать интересные наблюдения. У эвенов литературный язык на основе ольского говора сложился примерно к середине 50-х годов XX века, причем это был настоящий литературно обработанный язык. На самом раннем этапе развития (в букваре 1932 г.) письменный язык эвенов представлял механическую сумму диалектных форм со стандартизацией на уровне орфографии. Во второй половине 30-х годов из письменного языка постепенно устраняются инодиалектные явления, язык письменных текстов приближается к ольскому говору-основе литературного языка, но приобретает индивидуально-диалектные признаки данного говора. В 40-е-50-е годы из письменного языка постепенно устраняются те признаки, которые характерны только для ольского говора и говоров восточного наречия; письменный язык становится наддиалектным на уровне лексики, морфологии и в большой мере синтаксиса. В 60-е годы XX в. создаются предпосылки для создания второго эвенского литературного языка на основе диалектов эвенов Якутии, где формируется свой наддиалектный языковой стандарт на всех уровнях языка - от фонетики и графики до синтаксиса и лексики. В 70-е-80-е годы на основе эвенского письменного (литературного) языка создается собственный письменный язык эвенов Камчатки, имеющий наддиалектный статус (он обслуживает быстринский и олюторский говоры, сходные, но не контактирующие друг с другом).

К началу 50-х годов, как можно судить, постепенно складывался и эвенкийский литературный язык, однако изменение диалектной основы письменного языка и его переориентация с непского говора на говоры Подкаменной Тунгуски создали ситуацию, при которой создание литературного языка должно было начаться заново. Однако, по предварительным оценкам, этого не произошло, поскольку письменный язык эвенов на уровне лексики, морфологии и синтаксиса изменился в незначительной степени.

Уникальной является ситуация с чукотским языком, который по существу не имеет диалектов. И здесь письменный язык сложился к середине 50-х годов, и он представляет собой не только наддиалектную форму, но также несколько "упрощенную" форму языка, грамматический инвентарь которой уже того, который характерен для устного языка. К сожалению, литературный чукотский язык так и не приобрел кодификации норм или хотя бы стандартизации (мы не имеем даже учебника для педучилищ). Ненецкий письменный язык на основе ямальского диалекта оказывает сильное влияние на письменную культуру ненцев других регионов, и, очевидно, здесь можно говорить о появлении литературного языка. Письменный мансийский язык, в основе которого лежит сосвинский диалект, оказался устойчивым и способствовал сохранению данной языковой формации (другие мансийские диалекты сохранились значительно хуже). У хантов письменный язык на основе казымского диалекта не стал литературным: шурышкарские ханты имеют свой письменный язык, а на других диалектах издавалась учебная литература. Письменные тексты на нанайском языке имеют много диалектных черт и говорить о литературном языке в этой ситуации, похоже, нельзя. Для ряда языков появление письменности на нескольких диалектах (корякский, нивхский, отчасти эскимосский языки) по существу делает безнадежным появление литературных языков.

С.М.Широкогоров был глубоко прав, когда отмечал, что проблема литературного языка - это проблема не только говорящего на нем этноса. Все литературные языки народов Севера РФ создавались при активнейшем участии педагогов, переводчиков и редакторов - специалистов по этим языкам, не являвшихся представителями этих этносов. Можно отметить, что позднее, в 60-е-80-е годы, когда позиции именно этой группы пользователей языков ослабли, это сопровождалось развитием многих негативных явлений в функционировании языков народов Севера. Здесь не последнюю роль сыграло устранение этих языков из межэтнического общения в профессиональных сферах (педагоги, работники СМИ, административный аппарат). Очевидно, возрождение языков народов Севера РФ как языков внутриэтнической коммуникации невозможно в принципе, поскольку русскоговорящие специалисты не только создают престиж пользования данными языками для коренных жителей, если они владеют ими, но и обладают колоссальным потенциалом для повторного воспроизведения письменных текстов, а также для порождения новых письменных текстов самых разных жанров, включая поэтические тексты в экспериментальных формах. Досадно, что данные идеи и существующая практика в наши дни идут вразрез с ментальностью и деятельностью национальной интеллигенции, в среде которой много лет культивировались иные взгляды на родную культуру и родной язык и роль представителей этноса в их развитии.

Литература

- Алькор (Кошкин) Я.П. 1932 - Материалы I Всероссийской конференции по развитию языков и письменности народов Севера / Под ред. Я.П. Алькора (Кошкина). Л., 1932.
- Общее языкознание. Форма, функции, история языка. М., 1970.
- Хасанова М.М. 1994 - <Рец.> S.M. Shirokogoroff. Tungus Literary Language // Asian Folklore Studies, Vol. 50, 1991 // Гуманитарные науки в Сибири, 1994, N 4. С. 74-75.
- Широкогоров С.М. 1991 - S.M. Shirokogoroff. Tungus Literary Language // Asian Folklore Studies, Vol. 50, 1991, p. 35-66.